

Русский язык и национальная безопасность

Алексей КУШНИР

Двадцать первый век со всей очевидностью заявил о себе как эпоха «информационного взрыва». Самые развитые страны мира, несмотря на высокие темпы и солидную историю развития информационных технологий, испытывают жёсткий дефицит специалистов в области программирования и обработки информации. Темпы информатизации производства, коммуникации и жизни в целом таковы, что на глазах одного поколения происходят полные замены технологических инфраструктур. Коренные изменения происходят не только в сфере хозяйствования, но и в культуре, в образовании. Изменились и способы геополитического противоборства. В дополнение к традиционному, военному противостоянию, «холодным» и торговым войнам, пришли изоцрѐнные методы информационных и психологических диверсий, воздействующие на индивидуальное и общественное сознание. Главным оружием противоборствующих на мировой арене сторон стала информация и различные методы манипулирования сознанием.

«Поговорим о той огромной технологии, которую используют согласно своим служебным обязанностям и за небольшую зарплату сотни тысяч профессиональных работников — независимо от их личной нравственности, идеологии и художественных вкусов. Это — та технология, которая проникает в каждый дом и от которой человек в принципе не может укрыться, — пишет известный политолог С.Г. Кара-Мурза. — Быть ли безмолвной жертвой этого высокотехнологизированного воздействия или сопротивляться, противостоять ему — вот жизненный выбор, который мы не просто обязаны, но вынуждены сделать, отвечая на вызов времени». И далее даёт единственно возможный рецепт поведения уважающего себя человека: «...он может изучить её инструменты и приѐмы, а значит, создать свои «индивидуальные средства защиты». Если же знание об инструментах и приѐмах манипуляции сознанием станет доступным для достаточно большого числа людей, то возможны и совместные акции сопротивления или поначалу акции защиты против манипуляции. Конечно, манипуляторы будут изобретать новые инструменты и новые приѐмы. Но это уже будет нелѐгкая и дорогостоящая борьба, а не подавление безоружного и незащитного населения. И борьба ничтожного большинства (хотя и обладающего деньгами и организацией) против огромной массы творчески мыслящих, изобретательных людей. Сам переход к борьбе будет означать важный поворот в судьбе нашего народа, а может быть, и всего человечества.

В этой возможной борьбе России выпали особая роль и особое место (выделено мной. — А.К.). На неё вся современная технология манипуляции сознанием обрушена революционным способом, как обвал, с гротескными и кричащими результатами. Это, конечно, вызвало шок, но в то же время создало и важнейшее условие для попытки осмысления, а затем сопротивления. В других частях мира обволакивание человека «культурой манипуляции» было медленным, постепенным (Азия — особый случай, у неё есть сильные защитные средства). Там не было шока и таких страданий, как у нас. Там возникло привыкание без всякой надежды на резкие, творческие попытки освобождения. Лягушка, брошенная в кипяток, выпрыгнет, хотя и с травмами. Лягушка, погружённая в тёплую воду, с наслаждением плавает в кастрюле. Она не замечает, что кастрюлю поставили на огонь, и вода становится всё теплее. Она так и наслаждается, пока не сварится.

Наша задача — выпрыгнуть и помочь тем, кто наслаждается».

Так описывает наше особое — новое состояние С.Г. Кара-Мурза во введении к своей книге «Манипуляция сознанием». В аннотации к книге, выявляющей «устройство всей машины манипуляции общественным сознанием как технологии господства... описывающей главные блоки манипуляции и причины уязвимости русского сознания», сказано буквально следующее: «Для России переход к этому новому для неё типу власти означал бы смену культуры, мышления, языка... Принять новый тип власти над человеком или

строить защиту от манипуляций — вопрос выбора исторической судьбы. А может быть, и вопрос существования русского народа».

В современных условиях перспективы государственности прямо зависят от способности государства поддерживать и защищать национальную систему ценностей. Политика, экономика, оборона и другие составляющие безопасности Российской Федерации более чем когда-либо в прошлом обусловлены состоянием ума, настроениями, ценностными ориентациями, **состоянием сознания граждан и народа в целом.**

Наиболее разрушительной, опасной и наименее изученной сферой агрессивного воздействия, несущего в себе угрозу **этнической, культурной, языковой** и прочей **переносимости**, являются средства массовой информации и телекоммуникации. Интересы национальной безопасности России требуют чёткого понимания технологической и инструментальной мощи воздействия масс-медиа, а также объектов и механизмов воздействия.

Объектом воздействий средств массовой информации становится предельно конкретное сознание как система управления и организации жизнедеятельности отдельных людей, коллективов, общностей, общественных страт и народа в целом.

Основным типом сознания, которое превращается в объект агрессивного воздействия, является **сознание государственности**, как абсолютного условия **всемирно-исторического действия народа на традиционных основаниях.** В результате воздействия прежде всего нарушаются процессы самосознания, самоопределения, социально-культурной и национальной идентификации.

Реальная борьба за направления и традиционную фундаментальность самоопределения определяет сущность национальной безопасности Российской Федерации в контексте информационно-психологического воздействия и информационных войн.

Исторические уроки показали несостоятельность попыток ограничивать воздействия разного рода на сознание российских граждан и стратегическую неэффективность «железного занавеса». Защищённость сознания определяется тем, как представлены в индивидуальном и общественном сознании реальные цели страны, для достижения которых нужен интеллектуальный и волевой ресурс, а также определённый уровень организации сознания, которое воспримет эти цели, этот перспективный замысел и будет его реализовывать. Потенциальная возможность уничтожения, растраты, угасания воспроизводства такого ресурса, как основы информационно-психологического иммунитета, представляет собой угрозу национальной безопасности России.

Национальной безопасности России наносится ущерб, если затрудняется самоидентификация, самоопределение человека как жителя России или русского, если образование не формирует новые способы реагирования на происходящие в технологической инфраструктуре и общественном сознании процессы, если в структуре образования имеются условия, которые искажают или разрушают сознание и самосознание человека, если образование неверно инкорпорировано, встроено в структуру общества и его хозяйственного комплекса и т.д.

Сближение вопросов образования и безопасности предполагает стратегический взгляд на роль образования в процессах развития российского общества. В условиях развёртывания информационных войн и информационно-психологической агрессии **стратегическая роль образования в плане защиты сознания определяется тем, что не существует иной специализированной, сопоставимой по мощи со средствами массовой информации, организационно-технологической реальности, способной создавать в индивидуальном и общественном сознании глубинные механизмы самоопределения и информационно-культурного иммунитета.**

Влияние образования на безопасность страны определяется тем, в какой мере оно снижает или повышает уровень интеллектуального и волевого потенциала населения в сравнении с другими странами. Каково ожидаемое качество трудовых ресурсов в результате его действия? Как оно обеспечивает освоение подрастающим поколением высоких техноло-

гий? В какой мере образование ориентирует молодых людей на решение ключевых острых проблем, с которыми они столкнутся в XXI веке? Создаёт ли образование «глубинный патриотизм», встроенный в сознание архитектурной родного языка, или оно воспитывает потенциального эмигранта, который, если не сам уедет в Канаду, то своих детей сориентирует на подобную жизненную перспективу?

Какова роль сегодняшнего образования в интеграции–дезинтеграции страны? Как должны соотноситься концепции и программы национальных школ (русской, татарской, еврейской и т.д.), региональных программ развития образования и представление о единой российской системе образования? Каким статусом должен обладать русский язык? В какой мере российское образование обеспечивает самоидентификацию жителей России как граждан Российского государства? Или формирующиеся формы интернационализованного, космополитического образования делают ненужной и невозможной эту самоидентификацию? В какой мере образование разрушает или укрепляет культурный иммунитет граждан, делая их восприимчивыми или невосприимчивыми к информационно-психологическому воздействию?

С другой стороны, каковы условия формирования на основе образования граждан России с открытым здоровым, а не изолированным, шовинистически больным типом сознания. Здесь вообще уместно поставить вопрос о влиянии образования на изменение менталитета населения страны.

В какой мере среднее и высшее профессиональное образование обеспечивает включение молодого поколения в современную хозяйственную жизнь страны, в производительные формы высокоэффективного высокооплачиваемого труда, или образование, оторванное от реалий складывающейся рыночной экономики, создает условия для криминализации молодёжи?

Чрезвычайно важный для безопасности страны вопрос об образовательной политике России по отношению к нашим соотечественникам, проживающим в ближайшем зарубежье. Будут они загнаны в культурное щелевое подполье или получают возможность развивать и осваивать русскую многонациональную культуру, — от этого зависит общий климат отношений и уровень взаимопонимания России и государств СНГ.

Образование, помимо решения своей собственной внутренней, огромной важности задачи формирования интеллекта и воли нации, напрямую связано с процессами государственного строительства, обороноспособностью страны и реформами в армии, национальной безопасностью, гармонизацией национальных отношений в едином российском пространстве, здоровьем россиян, экономическими преобразованиями и промышленным развитием, прорывными проектами XXI века. На основе правильно выстраиваемой политики образования возможен совершенно другой поворот экономических реформ, когда образованные люди оказываются не отрезанными от преобразований, но, наоборот, выступают активными строителями нового складывающегося рыночного хозяйства.

В целях обеспечения национальных интересов России в условиях глобального информационно-психологического противоборства Россия должна приступить к разработке и осуществлению ряда системных гуманитарных проектов, ориентированных на «мягкое» отражение информационно-психологической агрессии и воспитание у населения, прежде всего у детей и молодёжи, способности противостоять гуманитарным вмешательствам — интервенциям — всех типов, направленным на организацию ненужной или вредной для жизни зависимости, в том числе идеологической, культурно-исторической, политической и языковой, умения правильно организовывать собственное свободное время, планировать и достигать высокого качества использования свободного времени.

Государственная политика Российской Федерации в области защиты индивидуального и общественного сознания должна обеспечивать формирование у каждого гражданина России сознания государственности и себя в государственности, способности строить, восстанавливать и сохранять Россию как мировую державу.

Интеграция российского образования в мировые образовательные системы и новая

функционально-политическая роль образования в современном мироустройстве создаёт ситуацию, когда само образование становится фокусом **информационно-психологической агрессии**. Одним из приоритетных направлений деятельности государства по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации является **защита национальной системы образования, как глобальной технологии воспроизводства традиционного сознания**, которая, наряду с тем, что она решает свои собственные задачи, призвана обеспечивать должный уровень **устойчивости населения страны к информационно-психологическому воздействию**.

В данном контексте высвечивается совершенно новая роль школы и педагогики в современных условиях. Особое, судьбоносное значение имеет информатизация школы, которая, пока она понимается технически и технологически, а не гуманитарно и идеологически, есть не что иное, как троянский конь, усердно и добровольно втаскиваемый нами в собственные огороды. Что пожнём мы от этих обильных информационных посевов?

Информационно-психологическое воздействие на сознание человека и народа в целом осуществляется преимущественно через языковую среду и посредством языка. Модификация языка конкретного народа через создание в индивидуальном и общественном сознании «опорных психосемантических структур» значительно упрощает процесс **перенесения идентичности** населения. Целенаправленное внедрение в сознание заимствований приводит к постепенному вытеснению традиционных словесных идентификаторов и ослаблению **информационно-культурного иммунитета**. Когда этим процессом управляет **информационный агрессор**, это приводит к кратковременным и длительным изменениям состояния информационной среды и сознания, отвечающим требованиям противника, что неизбежно сказывается на процессах культурной и национальной идентификации.

Язык, как один из базисных аспектов национальной идентичности в условиях постоянного информационного противоборства, так же, как и образование, является мишенью информационно-психологической агрессии. Активная защита языковой среды является важнейшим аспектом национальной безопасности Российской Федерации.

Ю.В. Крупнов считает, что уникальность данного типа безопасности задаётся её особым предметом, удерживаемым правильным русским языком. Этот предмет — национальная или народная идентичность, т.е. сама способность народа правильно воспринимать и продолжать свою историю, сохранять и защищать собственную самобытность и самостоятельность, не допускать буквальной перевербовки (т.е. увлечения чужими словами), трансформации своего языкового родового или генетического кода. Данный предмет — идентичность — крайне важен ещё и потому, что за ним стоит концентрическая проблематика (т.е. способность управлять сознанием и либо упрочнять, либо разрушать национальное сознание и самосознание). Нелишне напомнить, что за рубежом все разработки вокруг языковой политики и идентичности являются глубоко засекреченными, исчезли из открытой печати в 1993–1994 гг. Так же было в конце 30– начале 40-х годов, когда из открытой печати исчезли разработки по атомной энергии (Ю.В. Крупнов).

В разные исторические периоды языки обладают разной идентификационной мощностью. Хотя язык — достаточно стабильная система, но под воздействием неблагоприятных социально-экономических факторов и целенаправленных манипуляций в нём может накапливаться своего рода «усталость», характеризующаяся снижением культурного иммунитета, устойчивости к «информационным вирусам» различного происхождения. Способность «информационных вирусов» к саморазвитию, размножению, к инфицированию социальных систем, индивидуального и общественного сознания и есть тот механизм, с помощью которого разрушается идентичность нации, всех народов и диаспор, входящих в её состав.

Для нас совершенно очевиден тот факт, что «иммунная система» нашей общественно-культурной организации пребывает далеко не в лучшей форме. Одним из признаков этого неблагополучия является резкое снижение ценностно-мотивационного рейтинга русского языка среди прочих базовых ценностей жизни. Простейшим индикатором этого

обстоятельства являются объёмы финансовых ресурсов, направляемых родительским корпусом на оплату репетиторских услуг по различным учебным предметам. Перевес, который имеет английский язык в сравнении с русским, просто ужасает. Родители связывают жизненную успешность детей с их знанием английского и предпринимают какие-либо усилия по поводу русского языка только по причине вступительных экзаменов в вузы. Не вдаваясь пока в историю и методы **перевербовки** населения огромной страны, мы вынуждены констатировать, что через снижение образно-исторической и традиционной функции языка, через разрушение его нормативно-ценностной функции нанесён ощутимый урон морально-нравственным привычкам населения, особенно детей, подростков и молодёжи.

В то же время было бы неправильно понимать язык исключительно в качестве страдающего и пассивного объекта. В самой системе языка есть механизм самосохранения, самозащиты и саморазвития. Более того, феномен языка уникален и бесценен своей **народообразующей** способностью. Истории известны факты, когда военные победители, огнём и мечём покорявшие племена и государства, растворялись в языке покорённых народов и терпели в конечном счёте культурное поражение. Сейчас, когда «на глазах одного поколения удалось взорвать и, возможно, сломать Россию» (*Кара-Мурза С.Г.*), когда утрата национальным сознанием «здорового смысла» для всех очевидней, **мы должны обратиться к русскому языку, как инструменту оздоровления самих себя.** Весь вопрос в понимании **пусковых механизмов** этого **самооздоровления.** Но надо понимать, что самозащитный ресурс языка не бесконечен, что он способен размываться и разрушаться, что он кровными узами связан с другими сферами жизни народов и стран: политическими, экономическими, религиозными, общекультурными.

Необходимость защиты языка периодически всплывает в общественном сознании. Очередная волна «защиты» развернулась в последние полгода на страницах прессы и в Государственной Думе. В официальных документах вопрос сводится действительно к защите, к охране, к ограждению языка от влияния, к соблюдению «чистоты» и т.д.

По всей видимости, фокус «защитников» на формах языка и на разного рода консервационных технологиях связан с тем, что вопрос этот отдан на откуп лингвистам, хотя психологические войны и методы их ведения, законы взращивания мировоззрения, обучения и воспитания — предмет совсем других сфер, профессий и специализаций. Исторические уроки показали несостоятельность ограничения воздействий разного рода на сознание и культуру, стратегическую неэффективность каких бы то ни было цензур, фильтров, занавесов и т.п. Введение «языковой цензуры» в спонтанно развивающейся культуре противоречит самой идее культурного саморазвития, поэтому такой подход должен быть, безусловно, оставлен в прошлом. Однако из этого не следует, что нам остаётся пассивно созерцать происходящее, тем более, что наши информационные противники не сидят сложа руки.

Примером глобальной операции по переидентификации населения, которая была осуществлена через язык благодаря запретительной практике, можно считать внедрение в культурное пространство СССР в шестидесятые—семидесятые годы англоязычной музыки, когда из-за цензуры и отсутствия отечественной музыки аналогичных стилей и тенденций была подготовлена почва для экспансии английского языка не в прагматическом, а в идеологическом, мировоззренческом, ценностном плане.

Образование и сфера культуры в этом смысле должны были действовать на опережение в темпе общемировых тенденций, но на собственной историко-культурной и языковой почве. В этом плане показательным является пример с татарским языком в Набережных Челнах. Эффективность усилий по реабилитации и развитию татарского языка, предпринимаемых Республикой Татарстан ценой огромных организационных и финансовых затрат, просто смехотворна по сравнению с тем эффектом популярности, который создавал языку один-единственный певец, певший песни на татарском языке, но в такой музыкальной стилистике, которая близка современной молодёжи. Даже русские ре-

бьята, уезжая из города и республики в дальние края, увозили с собой записи на татарском языке. К сожалению, опыт такого рода проходит мимо взгляда «специалистов», советников президента Татарстана М.Ш. Шаймиева и других, решающих подобные задачи. Этот пример показателен как раз в том смысле, что в Татарстане именно лингвистам на откуп отдан этот вопрос. Раз дело о языке, значит языковеды — главные. В итоге деньги уходят в песок.

Конечно, перечень проблем, которые могут быть разрешены на законодательном уровне в запретительном или ограничительном режиме, существует. Это касается сокращения неоправданных заимствований иностранных слов, ограничения объёмов музыкально-песенного радиовещания на иностранных языках, соблюдения прав потребителей при печатании товарных ярлыков и инструкций и т.д. В любом случае список такого рода ограничений очень узок. Он должен оставаться в общепринятых пределах мировой практики. Ориентиром здесь может быть Франция, испытывающая сходные с нами проблемы, которая даже завела у себя Министерство (!) французского языка. Именно французы первыми остро почувствовали проблему языковой безопасности в середине 60-х годов и перевели эту проблему в академическую и законодательную плоскости, строго определив границы изменения французского языка и нормативы речи.

Другие страны основные силы бросили на культурную политику и опережающее целевое финансирование собственного языкового образования и национальной литературы. Такого рода меры меньше бросаются в глаза, но более эффективны в перспективе.

Проблемы появляются именно тогда, когда список «ограничений» неоправданно расширяется. Срабатывает даже банальное: «запретный плод сладок», не говоря уже о тонких технологиях целенаправленного воздействия, таких как фонд Сороса, осуществляющего глобальную управленческую операцию по сдвигу смыслов образовательной политики.

Посредством поточного производства учебной литературы, предоставления грантов за учебно-методические разработки определённой модальности и направленности, в учительскую и школьную среду активно внедряется **«информационный вирус»**, приучающий трактовать образование как сферу услуг, как сферу индивидуальной самореализации, как средство «демократизации» нашего «тоталитарного» общества. Всё бы ничего, кабы такая трансформация не затеняла, не вытесняла и без того загнанную в подполье функцию образования как **средства проектирования перспектив государственности, как механизма вращения промышленно-технологических «зон роста» и «точек прорыва», как инструмента культивирования и развития национального самосознания.**

Альтернативой «ограничительным стратегиям» могло бы быть существование **общенациональной системы культурно-лингвистической экспертизы**, делающей все виды информационной агрессии, направленной на систему языка, на индивидуальное и общественное сознание, видимыми и очевидными для населения.

В целях активного противодействия агрессии, направленной против государственного языка Российской Федерации или действующей через язык, может быть создана специальная государственная структура, осуществляющая системную законотворческую и информационную работу, направленную на защиту и продвижение русского языка в мировом сообществе. Сверхзадачей такой деятельности, обеспечивающей **превентивную защиту** от агрессивных воздействий, является разворачивание программы **«Русский язык как мировой»**. Независимо от компрадорских ухмылок по поводу бесперспективности такого рода работы, её надо планомерно осуществлять хотя бы ради сотни миллионов русскоязычных людей, живущих за пределами России. Её надо осуществлять хотя бы ради собственных геополитических интересов в славянском мире, где мы теряем не столько экономически, сколько проигрываем в культурной и языковой сферах. Её надо осуществлять и потому, что аналогичную программу реализует даже Малайзия, где при президенте действует специальный комитет «Малазийский язык как мировой»...

В контексте информационно-психологических войн, разворачивающихся в сфере ценностей, языка, образовательных систем, гораздо более глобальных и разрушительных,

нежели все наши «локальные конфликты» вместе взятые, информационные, психологические, консциентальные и прочие гуманитарные средства перспективнее, чем самые изощрённые придумки «бомбо-штурмового мышления», определяющего сегодня стратегии и технологии национальной безопасности. Им, генералам, простительно. Но почему оказались страусами, засунувшими голову в песок, наши собственные, образовательно-педагогические, психолого-филологические доценты с кандидатами, понять невозможно.

Ни «доктрина информационной безопасности», ни «доктрина образования», ни запретительно-ограничительные меры, планируемые различными «языковыми» и «орфографическими» комиссиями, при любой интенсивности их усилий, к сожалению, не несут в себе системного решения, которое могло бы обеспечить реальную защиту языка, индивидуального и общественного сознания. Защиту хотя бы на таком уровне, чтобы остановить тенденцию превращения в «страну эмигрантов наоборот». Разговоры о том, что системные причины «утекания мозгов» и вообще утекания народа из страны, имеют экономические корни, совершенно на руку нашим идеологическим и геополитическим противникам. Мол, рыба ищет, где глубже... Легко усваиваемая аксиома, глухо задымляющая существо дела, маскирующая процессы целенаправленной переидентификации российских народов.

Ложность экономической подоплёки маргинально-эмигрантской ментальности нашего человека иллюстрирует следующий факт. Как это ни странно, но более всего подвержено тенденции перекасти-поле именно русское население. Жителям татарской, башкирской или аварской деревни уехать «за бугор» приходит в голову значительно реже. Факт этот требует своего особого осмысления, как и тот, что в Сибири, например, между русской и татарской деревнями разительная разница не в пользу русской. Эта разница проявляется в том, как ухожены подворья, как покрашены забор и ставни. Если в Татарстане этой разнице можно найти объяснение административно-политического свойства, то ситуация в других регионах подсказывает историко-культурологическое, этнопсихологическое и т.д. — исключительно гуманитарное, ценностное, культурологическое — направление поиска.

Причина доминирования «оградительно-оборонной» идеологии в сфере «защиты сознания», возможно, кроется в кадровом составе структур, занимающихся проблемами безопасности сознания (информационно-психологическая безопасность и т.д.). Подавляющее большинство вовлечённых специалистов — военные технари и производственники из оборонного сектора, для которых психология, педагогика, психофизиология — это «птичий язык». Специалисты с техническим образом мышления, привыкшие к математически строгому обоснованию всякого аргумента, уже в силу высокой, но флюсоподобной культуры мышления, не могут уважительно относиться к педагогике, которая дожила до XXI века, но так и не сумела определиться со своим предметом. Ведь ещё никто не поставил точку в дискуссии о том, наука ли педагогика или это искусство. Но **несмотря на высокомерие «строгих» наук по отношению к педагогике, именно она призвана решать свои специфические задачи, в том числе проблемы культурного иммунитета, любви к русскому языку, мотивации учения в целом и т.д.**

Беда в том, что даже те, кто специализируется на вопросах обучения и воспитания, в частности административные и научные работники системы образования, упускают важнейшую, на наш взгляд, **ключевую** составляющую «языковой безопасности» страны и народа. Это вопрос **об отношении к языку, в буквальном смысле о любви к языку, о способности наслаждаться языком, смаковать умное, меткое и красивое слово.** Эту способность с полным правом можно считать «главной языковой способностью». Независимо от того, понимает это или нет система образования, но именно в её недрах, в школе сложилось такое положение дел, что происходит убиение культурно-генетической способности к саморазвитию в языке у подавляющего большинства народа российского. Угасание духа — вот во что выливаются **грамматическая шагистика и литературоведческая анатомия.**

Вопрос о русском языке, это, конечно, не узко учебный, а общекультурный вопрос.

Родной язык — это то, что повседневно окружает человека с момента его рождения. Это ближайшая культурная среда его развития. И потому вопрос о стратегической реабилитации русского языка — это отнюдь не вопрос образовательных стандартов и учебников русского языка. Какими бы ни были учебники и учебные технологии научения языку, **становление языка происходит в первую очередь не в школе, а в той естественной среде языковой культуры, которая окружает нас повседневно и которая формирует наше языковое чутьё, поддерживает наше чувство языка, наше языковое национальное достоинство.** Из этого, однако, не следует, что учебники имеют право быть убогими в языковом отношении, что урок русского языка имеет право быть скучным и нудным, а школа может мириться с тем, что дети не любят уроки русского.

И ведь самое страшное заключается в том, что учёный-филолог, взявшись за проблему обучения языку, считает само собой разумеющимся, что язык — дело трудное, зачастую скучное. А учёный-методист, пусть так и не считает, но для повышения привлекательности урока русского ничего иного, кроме как повесить колокольчики на глаголы, или повязать бантики на падежи, или спрягать с притопом, да склонять с прихлопом, придумать не может. **Будто бы и нет этой вселенской глубины, этой неземной красоты, этой ярчайшей выразительности в русском языке, чтобы самим предметом пробудить в ученике безмерный интерес к родному слову, к языку.**

Создавая концепцию языкового образования в школе, следует иметь в виду, что родной язык — это образование, которое принципиально нельзя «втискивать» в прокрустово ложе учебного предмета. В отличие от всех других феноменов культуры, изучаемых в школе в качестве учебных предметов, родной язык является сферой первичной естественности человека. Языку не нужно учить как чему-то внешнему; язык — это то, чем любой ребёнок, начиная с возраста раннего детства живёт и дышит, и потому превращение языка в учебный предмет оказывается отчуждением языка от ребёнка.

Поэтому задача полноценного языкового образования в школе должна состоять прежде всего не в освоении каких-то внешних правил (орфографии, синтаксиса, внешней стилистики), **а в организации интенсивного процесса жизни в языке,** в «проявлении» внутреннего языка ребёнка, его естественной потребности в родном языке, в установлении диалога между «внутренним языком» и внешним миром. Школа, редуцировавшая «мир языка» к «заучиванию правил», должна вернуть этот огромный мир в учебный обиход.

В первую очередь важны не знания о языке и не языковые навыки, а чтобы у ребёнка сформировалась **определённая сумма языковых потребностей.** Прежде всего это базовая **потребность в общении на родном языке, это потребность в собственной авторской письменной речи** (как своей внутренней речи, вынесенной с помощью письма во внешний план), и **потребность в чтении** как субъектном, не поддающемся формальной экзаменовке процессе диалога с письменным книжным текстом.

И лишь в той мере, в какой реализуются и развиваются эти языковые потребности, можно ставить вопрос об освоении орфографических, синтаксических и стилистических правил, можно ставить вопрос о литературоведческом диалоге и т.п. Ранее же работа с орфографией, синтаксисом, стилистикой важна, но лишь как подспорье к развитию внутреннего языкового мира ребёнка. И ни в коем случае не должна являться предметом «оценивания», не должна отображаться в зеркале школьных отметок.

«Предметное» отчуждение языка от ребёнка возможно и продуктивно лишь в той мере, в какой у него сформировались формально-логические структуры мышления и возникает потребность ответить на вопрос, «как язык устроен» и «как устроен литературный текст». Мы должны понимать, что родной язык — это не прерогатива филологов, а **норма жизни каждого человека.** В этом его специфика (в отличие от математики, а также любых естественных и гуманитарных наук). И каждый человек должен иметь неотчуждаемое право на любовь к своему языку, которая в нынешней школе подменяется формально-филологическими и формально-лингвистическими «знаниями», от которых ребёнку ни холодно ни жарко. На самом деле ребёнка жестоко обманывают: самое интересное и зна-

чимое, что есть у него в жизни — родной язык, — усилиями «учебных программ» превращают в скучное месиво той или иной лингвистической и литературоведческой информации. Система «правил» и «знаний» **должна быть принципиально вторична и не сущностна по отношению к задаче языкового развития ребёнка.**

Увы, дело обстоит так, что мы с начальной школы, губим естественное языковое чутьё, языковую интуицию ребёнка в угоду контрольно-экзаменационным процедурам, ориентированным на внешние факторы языка. А то, что принципиально иной образовательный ход возможен и продуктивен, доказывают пионерские разработки отечественных педагогов и психологов.

Поэтому важнейшая задача, которую необходимо срочно решать, — это **формирование мотивационных технологий**, способных обеспечить удовлетворение всех перечисленных потребностей. Если попытаться в двух словах выразить главный смысл предстоящей работы, то она сводится к **смене предметно-знаниевой парадигмы школьного языкового образования на парадигму любви к языку.**

На все эти грамматические и литературоведческие «приседания» уходит 95 % учебного времени, плюс аналогичная занятость дома. Из этого следует, что на уроках русского языка и литературы нет ничего для души, для сердца, нет продуктивной жизни в языке, которая воспитывает, а лучше сказать — рождает языковую личность. Что можно ожидать на выходе? Именно то, что имеем: раньше и в парижских туалетах были надписи на русском языке, а теперь в родных подъездах и лифтах всё больше на английском. А если серьёзно?.. Совершенно серьёзно пора говорить о том, что **процесс переидентификации населения достиг угрожающих размеров.** Наши воспитанники не обладают культурным иммунитетом, они восприимчивы к информационно-психологическому воздействию, языковой — глубинный, априорный патриотизм, который не вызывал сомнения в своём существовании ещё тридцать лет назад, — нынче присущ разве что жителям стран СНГ, где языковое чувство обострено депривацией и дискриминацией. Простой тест на справедливость данного утверждения — количество родных песен, которые знают наизусть и могут напеть молодые люди в сравнении с бабушками и мамами. Из этого следует то, что и запланировано в отношении России: **если население нашей страны не сократится до 30—40 миллионов по демографическим причинам, оно уменьшится по причинам идентификационным.** Всё меньше и меньше молодых людей будут планировать своё будущее в России, всё больше и больше — в Германии, в США, в Австралии и так далее. Уже сегодня толпы родителей убиваются по английскому для своих чад. И ведь «убиваются», имея в голове абсолютно заднюю мысль: пусть хоть дети поживут... в Канаде. А это и есть переидентификация этноса.

Приведённые выше рассуждения если и не доказывают существование прямой связи между отношением людей к родному языку и национальной безопасностью, то по меньшей мере свидетельствуют о существовании проблемы на стыке языка и безопасности. Всё дело в том, что неправильное определение причинно-следственных связей ведёт к глубинным, накапливающимся системным ошибкам. В любом случае есть смысл разбираться с вопросом, искать корреляции и выстраивать системное действие на перспективу.

Примером такого системного и масштабного действия, ориентированного на перспективу, является реализация информационно-ценностной стратегии в начальном обучении чтению в 90-е годы в Амурской области. Сотни учителей при поддержке образовательной администрации области и районов в течение нескольких лет обучали детей чтению, используя звуковой ориентир, что позволило при снижении учебной нагрузки увеличить объём самостоятельного чтения детей в 10–20 раз. Резко возросла привлекательность уроков чтения. Параметры техники чтения учеников третьего-четвёртого классов оказались сопоставимы с таковыми у выпускников школы, обучавшихся традиционными методами.

Пристрастие к самостоятельному чтению, эрудиция детей в сравнении со сверстниками, независимость и смелость суждений — вот что отличает амурских школьников, прошед-

ших обучение по новой методике. Частная методика обучения и развитый навык чтения оказались действенным средством усиления культурного иммунитета у детей. Данный вывод требует, конечно, подтверждения независимыми исследователями. Кто знает, может, лет через 40, если там появится свой Моисей, наша РАО станет способной осуществлять такого рода экспертизы. Но на данном этапе у нас, участников амурского эксперимента, есть все основания утверждать, что **в нашей стране есть уникальный опыт обучения родному языку на основе парадигмы любви**. Опыт этот со всей очевидностью показал, что любовь к родному языку, мало того, что обеспечивает его знание, но и является эффективным средством повышения культурного иммунитета. Показателен уже тот факт, что дети, обученные читать с помощью звучащего текста, а потому привыкшие к его постоянной образной «прокрутке», предпочитают чтение книги телевизору, который, в известной степени блокируя внешней «картинкой» внутренний образный процесс, вызывает у них состояние информационного голода.

Данный пример был приведён в качестве иллюстрации принципиальной возможности качественных изменений в школьной технологии, направленных на усиление устойчивости индивидуального и общественного сознания по отношению к манипуляциям. Всех заинтересованных мы приглашаем обращаться за консультациями в Амурский институт повышения квалификации работников образования или в редакцию нашего журнала.